

Дипломатия данных России: цели, тенденции, прогнозы

Никита М. Кузнецов

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, nmkuznetsov@list.ru*

Наталья А. Цветкова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, n.tsvetkova@spbu.ru*

Аннотация. Исследование наглядно демонстрирует состояние российской дипломатии данных (*Data Diplomacy*) и выявляет особенности ее формирования. Дипломатия данных включает в себя использование государством искусственного интеллекта (ИИ), аналитики «больших данных» (*Big Data*) и иных технологических новинок для проектирования влияния на зарубежную аудиторию, противостояния зарубежной интернет-пропаганды и решения иных внешнеполитических задач. Статья состоит из двух разделов. В первой части исследования рассматриваются этапы становления цифровой дипломатии инструментом внешнеполитического влияния России и анализируются первые шаги официальной Москвы по интеграции *Big Data* в свою дипломатию. В следующем разделе выявляются тенденции и перспективы современной дипломатии данных РФ, а также представляются прогнозы ее дальнейшего развития. Авторы констатируют заинтересованность российского руководства в дипломатии данных как аналитическом треке внешнеполитического прогнозирования и комплекса новых инструментов дипломатии. Выводы исследования могут быть использованы в практическом аспекте дальнейшего развития дипломатии данных России и в научном аспекте изучения ее роли в отечественной внешней политике.

Ключевые слова: дипломатия данных, цифровая дипломатия, публичная дипломатия, большие данные, мягкая сила, острая сила, Россия, США

Для цитирования: Кузнецов Н.М., Цветкова Н.А. Дипломатия данных России: цели, тенденции, прогнозы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 26–40.
DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-26-40

Russian data diplomacy: Goals, trends, perspectives

Nikita M. Kuznetsov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, nmkuznetsov@list.ru

Natal'ya A. Tsvetkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, n.tsvetkova@spbu.ru

Abstract. The article clearly demonstrates the current state of Russian data diplomacy and reveals the features of its formation in 2010–2021. Data diplomacy includes the use by the state of artificial intelligence (AI), big data analytics (Big Data) and other technological innovations to project influence on foreign audiences, block objectionable information on the Internet, and resolve other foreign policy problems. The first part of the study examines the stages of the development of digital diplomacy as an instrument of Russia's foreign policy influence and analyzes the first steps of official Moscow to integrate Big Data into its diplomacy. The paper defines the existing concepts, methodological framework and successful cases of Russian Internet diplomacy. The next section identifies the trends, directions and projects of contemporary Russian diplomacy, as well as forecasts its further development. The authors state the interest of the Russian leadership in the development of data diplomacy as an analytical track of foreign policy forecasting and a set of means for integrating new tools into diplomatic activity. The findings of the study can be used in the practical aspect of the further development of Russian diplomacy and in the scientific aspect of studying its role in domestic foreign policy.

Keywords: data diplomacy, digital diplomacy, public diplomacy, Big Data, soft power, sharp power, Russia, USA

For citation: Kuznetsov, N.M. and Tsvetkova, N.A. (2022), "Russian data diplomacy: Goals, trends, perspectives", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 26-40, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-1-26-40

Введение

Развитие цифровой дипломатии (*digital diplomacy*) как феномена мировой политики началось в 2008–2009 гг., и прошло три этапа, каждый из которых отличается по концептуальным и методологическим признакам [Цветкова, Кузнецов 2020]. Проекты и инструменты цифровой дипломатии обрамлялась экспертами в теоретические рамки, способные продемонстрировать государственный подход к ее реализации. Императивом цифровой дипломатии стала мягкая сила (*soft power*), привлечение целевой аудитории при помощи интернет-проектов в области культуры, истории, спорта

и образования для формирования привлекательного государственного имиджа и реализации внешнеполитических целей через «завлечение» аудитории [Nye 2008, p. 94]. Российское руководство имеет свой подход к термину «мягкая сила». Еще в 2012 г. в статье «Россия и меняющийся мир» президент России В.В. Путин охарактеризовал мягкую силу как комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, за счет информационных и других «рычагов воздействия»¹. Можно увидеть разницу между определениями, предлагаемыми основоположником термина Дж. Наем и президентом В. Путиным. Американский политолог отмечает привлекательность в качестве ключевого элемента данной формы власти, в то время как российский лидер делает акцент на рычагах влияния.

Однако стремительное развитие интернет-технологий, появление информационных войн и борьбы «за умы и сердца» мировой аудитории породили дискурсы об эффективности использования массивов пропаганды, кибертерроризма, чат-ботов и аналитики «больших данных» (*Big Data*) – огромных объемов бессистемной информации, оставляемой интернет-пользователями. Цифровая дипломатия, острая сила (*sharp power*), кибервойны и др. фактически заменили собой публичную дипломатию и мягкую силу, а дипломатия данных (*data diplomacy*) как коллаборация внешней политики и науки о данных (*data science*) стала новым императивом международных отношений.

Необходимость развития цифровой дипломатии в России впервые была зафиксирована в концепции внешней политики Российской Федерации от 2013 г. Так, в п. 41 раздела «Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности» отмечалось, что в рамках этой деятельности необходимо широкое использование возможностей новых информационно-коммуникационных технологий². В концепции внешней политики от 2016 г. фигурировала необходимость укрепления роли средств массовых коммуникаций, а также доведения «до широких кругов мировой общественности российской точки зрения на международные процессы» и развития информационно-коммуникационных инструментов «мягкой силы»³. В 2020 г. президент В. Путин подтвердил важную

¹ Путин В.В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс] // Московские новости. 2012. 27 февраля. URL: <https://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения 07 февраля 2022).

² Указ Президента РФ от 12.02.2013 г. № Пр-251 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

³ Указ Президента РФ от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

роль цифровой дипломатии во внешней политике и отметил, что «...настрой блогеров в интернете, настрой средств массовой информации по защите самих себя – это чрезвычайно важная вещь, отстаивание своего суверенитета»⁴. При этом все большее внимание уделяется развитию дипломатии данных. Несмотря на отсутствие официального термина в российском дискурсе, на высшем уровне не раз подчеркивалась необходимость развития в России современных технологий, включая искусственный интеллект и *Big Data*⁵. И хотя лидерами по развитию дипломатии данных считаются США и Китай, официальная Москва также активно развивает данное направление внешней политики наравне со своей публичной дипломатией [Simmons 2015].

Таким образом, выявляется проблема феномена усиления роли дипломатии данных во внешнеполитическом механизме России. Цель данного исследования – провести комплексный анализ реализации дипломатии данных России. Вопрос о развитии дипломатии данных России является актуальным и малоизученным, что также раскрывает перед нами возможности для ликвидации пробела в историографии по данной теме.

Цифровая дипломатия РФ: от теории к практике

При всей неоспоримой важности традиционных инструментов продвижения государственных национальных интересов стратегическое использование информационно-коммуникационных технологий стало «господствующим подходом публичной дипломатии», заставляющим мировую аудиторию «стекаться в свои новостные ленты» социальных сетей для получения новостей и заявлений от мировых лидеров [Collins, DeWitt, LeFebvre 2019, p. 78]. В вопросе эффективности цифровой дипломатии эксперты используют бескомпромиссные формулировки: либо дипломат умеет взаимодействовать с социальными медиа, либо остается без всякого влияния [Collins, Bekenova 2019, p. 1].

⁴ Пресс-конференция президента России В.В. Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64671> (дата обращения 07 февраля 2022).

⁵ «Путин: Российская Федерация должна стать мировым центром обработки и хранения больших массивов информации» [Электронный ресурс] // ТАСС. 2018. 1 марта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4998315> (дата обращения 07 февраля 2022).

Использование цифровой дипломатии обрело общемировой характер. В научных исследованиях российских и зарубежных экспертов анализируются успехи реализации цифровой дипломатии стран Европы, Азии, Северной и Латинской Америки. Так, например, США используют ее для поддержки либеральных движений и распространения собственных ценностей в зарубежных странах. Сегодня США занимают первое место в мире по масштабам интернет-дипломатии [Цветкова, Кузнецов 2020, с. 29]. Германия, которая традиционно продвигала немецкий язык и немецкую культуру в своей публичной дипломатии, в цифровой дипломатии демонстрирует поворот в сторону пропаганды политических преобразований для аудитории зарубежных стран. Франция, наоборот, поддерживает идею о «франкофонии» в сети Интернет. Ее проекты в социальных сетях продвигают французский язык, французскую историю и культуру. А Китай демонстрирует серьезную активность в развитии своих каналов международного вещания и пропаганды [Кузнецов, Цветкова 2021].

Развитие цифровой дипломатии и дипломатии данных России началось в 2010-х гг. Основную роль стало играть Министерство иностранных дел. На официальном сайте ведомства можно найти все аккаунты отечественных дипломатов в социальных сетях и другую необходимую информацию об интернет-активности заграничных учреждений России⁶. Начальник отдела цифровой дипломатии МИД России С.В. Налобин неоднократно высказывался о необходимости цифровизации дипломатии, отметив ее важность для продвижения объективной информации об отечественной политике в условиях «пропагандистских атак»⁷. Внедрение социальных медиа во внешнеполитическую активность началось с целью предоставления зарубежной аудитории альтернативного взгляда на мировую политику и участие в ней России.

В 2010 г. президент Д.А. Медведев завел свои собственные аккаунты в социальных сетях Twitter, «ВКонтакте» и *Instagram*. Один из них предназначен для воздействия исключительно на зарубежную аудиторию и функционирует на английском языке. Личное присутствие политических деятелей в социальных сетях стоит в первых рядах наиболее успешных кейсов цифровой дипломатии в мировой практике. Отмечается, что публичная активность полити-

⁶ Аккаунты в социальных сетях. Официальный сайт МИД России [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/press_service/social_accounts (дата обращения 7 февраля 2022).

⁷ «Налобин: молодежь сейчас активно интересуется внешней политикой» [Электронный ресурс] // Sputnik. 2017. 19 мая. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20170519/1494695030.html> (дата обращения 7 февраля 2022).

ков и первых лиц государства притягивает внимание миллионов пользователей. Успешные аккаунты имеют главы многих российских дипмиссий и представителей РФ в международных организациях⁸. Наиболее яркими могут считаться аккаунты официального представителя МИД М.В. Захаровой, которая стала инициатором и впоследствии куратором начала цифровизации внешнеполитической деятельности РФ. Дипломат считает, что неформальный и острый стиль общения в дипломатию привнесли сами интернет-пользователи и Россия должна осваивать такой подход, чтобы быть конкурентоспособной в коммуникациях с ними. Отмечается, что М.В. Захарова изменила функционал и образ должности официального представителя МИД и стала самостоятельным объектом публичной дипломатии России [Krasnyak 2020].

Аккаунты российских внешнеполитических представительств, посольств и консульств остаются крайне важным направлением цифровой дипломатии России. Их особая значимость пролеживалась на протяжении 2020–2022-х гг., когда мир охватила пандемия *COVID-19* и цифровая дипломатия стала неотделимым элементом международных отношений. Из числа российских ведомств наиболее эффективными являются аккаунты МИД России в социальных сетях *Twitter*, *Facebook* и «ВКонтакте» и *TikTok* (последние два рассчитаны скорее на внутреннюю российскую аудиторию и русскоговорящих граждан ближнего зарубежья). Оригинальность публикуемого контента заключается в размещении уникальных фото- и видеоматериалов, архивных документов, разоблачении фейковых материалов СМИ, прямых трансляций с официальных мероприятий и общении с аудиторией в комментариях к публикациям. Например, число подписчиков англоязычного аккаунта МИД РФ в *Twitter* (@*MEA_Russia*), который рассчитан исключительно на зарубежную аудиторию, насчитывает около 340 тыс. подписчиков на момент проведения данного исследования. Для сравнения, русскоязычный *Twitter*-аккаунт Госдепартамента США (@*USApoRusski*) насчитывает лишь 62 тыс. читателей. В 2020 г. в ежегодном отчете *World Leaders on Facebook* аккаунт российского МИД в социальной сети *Facebook* был назван самым активным профилем государственного ведомства в мире⁹. Значительный вклад в реализацию цифровой дипломатии России вносит подведомствен-

⁸ Российские дипломаты в социальных сетях. Официальный сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/rossijskie-diplomaty> (дата обращения 7 февраля 2022).

⁹ *World Leaders on Facebook 2020* [Электронный ресурс]. URL: <https://twiplomacy.com/blog/world-leaders-on-facebook-2020/> (дата обращения 7 февраля 2022).

ный МИДу англоязычный *Twitter*-аккаунт «Россия» (@Russia), информирующий зарубежную аудиторию о российских праздниках, традициях, важных исторических датах, спортивных достижениях, интересных фактах о великих деятелях прошлого и т. д. Свой вклад в отечественную цифровую дипломатию стали вносить проекты российских институтов публичной дипломатии (таких, как Фонд «Русский мир» и «Россотрудничество»).

Интернет-проектам российских СМИ уделяется огромная роль в российской цифровой дипломатии. В данном вопросе наиболее заметно выделяется телеканал *RT* (ранее *Russia Today*), который собирает многомиллионную аудиторию в зарубежном информационном пространстве, имеет четкую коммуникационную стратегию и является основным инструментом продвижения российской внешнеполитической позиции. На постсоветском пространстве эффективным каналом международного вещания является информационное агентство «Спутник» (*Sputnik*), являющееся одним из наиболее популярных СМИ в ряде стран СНГ¹⁰. Англоязычный ресурс *Russia Beyond*, существующий только в социальных сетях, рассказывает о России без привязки к политике, являясь проектом культурной дипломатии РФ.

Методы ведения информационных кампаний остаются важным направлением в вопросе эффективности цифровой дипломатии. Например, *продвижение хэштега*, консолидирующего общество и продвигающего тему публикации, прочно вошло в ее арсенал. Когда в 2018 г. россиянка М.В. Бутина была арестована в США, МИД РФ и заграничные учреждения начали продвигать хэштег #FreeMariaButina, организовав мощную цифровую кампанию. Кроме того, изображения М. Бутиной стали использоваться в качестве аватаров всех подведомственных российскому МИДу страниц.

Отдельного внимания стоит *активность учетных профилей в период кризисов и конфликтов*. Публикация оперативной информации, быстрые ответы на высказывания оппонентов, блокировка интернет-троллей, подготовка публикаций, отражающих позицию государства по определенным вопросам в легкой для восприятия форме и пр. демонстрируют качество работы посольств/консульств/ведомств или отдельных лиц в области цифровой дипломатии и отражают их умение работать с социальными сетями как инструментом влияния на аудиторию. Например, серия резких пу-

¹⁰ «Sputnik Казахстан» вошел в топ-3 самых цитируемых СМИ в соц-сетях [Электронный ресурс] // Sputnik. 2021. 17 марта. URL: <https://ru.sputnik.kz/society/20210317/16561171/sputnik-kazakhstan-top-3-smi.html> (дата обращения 7 февраля 2022).

бликаций государственного секретаря США М. Помпео в адрес России была немедленно прокомментирована официальным представителем отечественного МИД и процитирована англоязычным аккаунтом МИД РФ и аккаунтом посольства России в США.

Активное развитие цифровой дипломатии как мирового феномена заставило государство бороться с привлекательностью других стран, отстаивать собственные интересы на интернет-площадках, развивать кибербезопасность и вводить технологии по обработке цифровых данных интернет-пользователей.

Российская дипломатия данных: тенденции и перспективы

Дипломатия данных может считаться коллаборацией методов по обработке цифровых данных, новых технологий и науки о вычислениях с социологией, международными отношениями и дипломатическими переговорами [Цветкова, Кузнецов 2020; Дье 2015]. Так, США используют цифровые данные об интернет-пользователях для проектов своей публичной дипломатии и информационного сдерживания стран-оппонентов, а правительственные документы Китая подтверждают его стремление стать мировым лидером в области ИИ [Кузнецов, Цветкова 2021].

Развитие цифровой дипломатии и дипломатии данных России вызвало негативную реакцию в западных странах. Осознав всю силу информационного влияния официальной Москвы, американские и европейские эксперты принялись тщательно изучать ее публичную дипломатию на предмет функций и особенностей реализации. Мягкая сила России (а также Китая, Ирана и других недружественных США «авторитарных режимов») стала называться острой, коварной и хитрой и расцениваться как угроза «демократическому сообществу»¹¹. Так, с середины 2010-х гг. стали проводиться информационные атаки на российские каналы нововещания. Как отмечает Гарри Роунслэй, авторитет *RT* и других масс-медиа был серьезно подорван. Автор подчеркивает, что деятельность российских международных СМИ проходит по тонкой грани между публичной дипломатией и пропагандой, поскольку миссия журналистов – улучшать имидж страны под натиском «спроектирован-

¹¹ *Nye J.* How Sharp Power Threatens Soft Power [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2018. Jan. 24. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharppower-threatens-soft-power> (дата обращения 7 февраля 2022).

ного США информационного давления» [Rawnsley 2015, p. 281]. После президентских выборов в США 2016 г. западные авторы стали дискутировать над методологией российской острой силы. Использование «*армии интернет-троллей*» для дискредитации демократических режимов, чат-ботов для мгновенного реагирования на комментарии пользователей социальных сетей, массивы «про-российской пропаганды» – лишь часть длинного перечня «пагубного влияния» (*malign influence*) РФ в интернет-сети, по мнению западных политологов. К. Уолкер и Дж. Людвиг, авторы первых трудов о *sharp power*, и вовсе заявили, что любая внешнеполитическая деятельность России является именно «острой», ведь все ее силы направлены «на подрыв западного устройства»¹².

Обвинения в намеренном использовании Россией своей цифровой дипломатии для вмешательства в политическую жизнь «свободных демократий» стали отправной точкой к процессу глобального переосмысления цифровой дипломатии как явления. Острая сила, критикующие политическую жизнь в зарубежных странах информационные кампании и цифровые проекты, интеграция аналитики *Big Data*, использование ботов, блокчейна и пр. для ведения кибер-войн со странами-оппонентами стали трендами 2020-х¹³.

В отличие от США, в России пока не существует единой стратегии по работе с цифровыми данными и их использованию во внешнеполитической деятельности. В декабре 2019 г. указом президента В. Путина в МИД России был создан новый Департамент международной информационной безопасности (ДМИБ), основной функцией которого является разработка национальных мер по защите информации в области международных отношений и развитие международного интернет-сотрудничества по данному вопросу с зарубежными странами¹⁴. Создание департамента стало логичным следствием усиления роли дипломатии данных в мировой прак-

¹² Walker C., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2017. 16 Nov. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения 7 февраля 2022).

¹³ Data Informed Diplomacy. Enterprise Data Strategy Empowering Data Informed Diplomacy [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/09/Reference-EDS-Accessible.pdf> (дата обращения 7 февраля 2022).

¹⁴ Указ Президента РФ от 27.12.2019 г. № 626 «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 865 “Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации” и в Положение, утвержденное этим Указом».

тике. В США, например, с 2011 г. успешно функционирует и развивается Центр глобального взаимодействия (*Global Engagement Center*), являющийся негласным институтом дипломатии данных США¹⁵. Как отмечает директор нового департамента А.В. Крутских, его создание свидетельствует «об особом внимании российского руководства к решению всего комплекса проблем, связанных с развитием информационно-коммуникационных технологий» и обусловлено необходимостью адекватного реагирования «на новые вызовы и угрозы, возникающие в такой актуальной сфере, как информационное пространство». Отмечается, что защита персональных данных российских интернет-пользователей и сотрудничество с ООН, СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС, АСЕАН и европейскими странами в сферах кибербезопасности остаются приоритетными задачами нового центра [Крупских, Филаткина 2020].

Кибербезопасность и вовсе может считаться одной из немногих тем, по которым Россия ведет активное сотрудничество с США. Так, после российско-американского саммита в 2021 г. был запущен механизм двусторонних консультаций по киберугрозам. При президенте США Д. Трампе (2017–2021 гг.) Россия предлагала возобновить переговоры по этой теме. В сентябре 2020 г. российский лидер даже опубликовал заявление о комплексной программе мер по восстановлению российско-американского сотрудничества в области международной информационной безопасности. Интерес администрации Дж. Байдена был обусловлен ростом числа атак, в которых обвинялись так называемые русские хакеры, прежде всего на объекты критической инфраструктуры (например, на компанию *Colonial Pipeline*, оператора крупнейшего топливного трубопровода на Восточном побережье США)¹⁶. А в октябре 2021 г. Россия и США даже внесли на рассмотрение Генеральной ассамблеи ООН совместную резолюцию по информационной безопасности, которая была принята консенсусом.

Финансирование дипломатии данных России осуществляется через выделение отечественному МИДу средств на «оцифрование» его деятельности. На период 2021–2023 гг. правительство выделило 2,3 млрд руб. на нужды МИД РФ в области цифровой трансформации и закупки алгоритмов по усилению эффективно-

¹⁵ U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/02/ACPD> (дата обращения 7 февраля 2022).

¹⁶ Шакиров О. Женева спустя полгода [Электронный ресурс] // Вестности. 2021. 11 января. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2022/01/10/904174-zheneva-polgoda> (дата обращения 7 февраля 2022).

сти цифровой дипломатии¹⁷. Эти показатели вполне сравнимы с финансированием дипломатии данных США, достигаемых порядка 800 млн долларов в год¹⁸.

В России аналитика *Big Data* активно ведется крупнейшими отечественными корпорациями и государственными компаниями, что крайне полезно в условиях современной реальности системы государственного управления. В частности, алгоритмы по сбору и обработке больших данных уже используют «Яндекс» и «Сбербанк» [Быков 2020]. Из негосударственных проектов также успешно работают независимый исследовательский центр «Диалог цивилизаций», выступающий площадкой для исследований в сфере международной безопасности и активно использующий цифровые площадки. Проект «Гуманитарный монитор» (@humanitarianmonitor) информирует аудиторию об аспектах международного гуманитарного сотрудничества России. Интерактивный портал проекта «Гуманитарная карта» использует открытые данные МИДа для визуализации помощи России другим странам. Например, кликнув на Вьетнам можно узнать, что в марте 2021 г. РФ поставила этой стране партию вакцины «Спутник V», а в сентябре – более 2 тыс. упаковок лекарственных препаратов. Категории на карте делятся по сферам (здравоохранение, продовольствие, образование и др.), организациям и годам¹⁹.

Активная интеграция работы с *Big Data* в политические процессы требует специальной подготовки будущих дипломатов и аналитиков российского МИДа. Подготовка «дата-дипломатов» для реализации внешнеполитических задач – мировая тенденция последних лет²⁰. В России изучение *data science в гуманитаристике* в целом и цифровизации международных отношений в частности также становится актуальной академической отраслью. Уже сейчас ведущие российские вузы прорабатывают образовательные

¹⁷ Королев Н., Гаврилюк А. По странам и контентам. МИД подключает искусственный интеллект к сбору данных [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2021. 9 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4763161> (дата обращения 7 февраля 2022).

¹⁸ U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/02/ACPD> (дата обращения 7 февраля 2022).

¹⁹ Проект «Гуманитарная карта» [Электронный ресурс]. URL: <https://russianassistance.ru/> (дата обращения 7 февраля 2022).

²⁰ U.S. Department of State. Careers Representing America. Global Engagement Center [Электронный ресурс]. URL: <https://careers.state.gov/doffice/global-engagement-center-r-gec/> (дата обращения 7 февраля 2022).

программы, нацеленные на обучение студентов-гуманитариев методам работы с цифровыми данными. Как отмечает А.Н. Сытник, аналитика данных отражает расстановку политических сил в социальных сетях и предлагает исследователям такие новые методы изучения современных политических процессов, как «систематическое извлечение, обработку и визуализацию больших данных и малых данных из социальных сетей в целях осуществления прикладных исследований цифровизации дипломатии» [Сытник 2021, с. 222]. И если раньше изучение цифровой дипломатии со стороны экспертного и профессионального сообществ сводилось к количественным показателям аккаунтов в социальных сетях или числу цифровых проектов, то в последние годы эксперты все чаще обращаются к методам обработки социальных сетей и проводят качественный анализ их использования в публичной дипломатии. В сентябре 2021 г. премьер-министр РФ М. Мишустин утвердил пакет мер поддержки ИТ, в котором среди прочего упоминалось создание службы «цифровых атташе». Атташе должны оказывать консультационную, информационно-аналитическую, юридическую и организационную поддержку российским ИТ-компаниям в странах присутствия. В 2022 г. «цифровые атташе» начнут работу в 16 странах, а в 2024 г. география их присутствия расширится до 28 государств.

Все эти факты говорят о растущей роли дипломатии данных во внешней политике России. Стоит прогнозировать ее дальнейшее развитие. Вопрос о доступе к *Big Data* интернет-аудитории и методам их обработки остается ключевым для данного направления современных международных отношений. Поэтому стоит прогнозировать увеличение финансирования цифровой дипломатии и сфер, отвечающих за *ssitume* кибербезопасности России.

Заключение

Дипломатия данных является новым феноменом международных отношений, отражающим важность цифровых данных во внешнеполитическом механизме современных государств. Россия может по праву считаться одним из лидеров среди стран, развивающим данное направление по коллаборации науки о данных и международных отношениях. Активное развитие цифровой дипломатии, методов по аналитике больших данных и архитектуры отечественной системы кибербезопасности подтверждают данный тезис.

Цифровизация политики уже стала «мейнстримом», и по своей значимости цифровая дипломатия встала на один уровень с

дипломатией традиционной. Россия должна быть готова к любым выпадам со стороны цифровой дипломатии соперников, будь то хакерские атаки, активность интернет-троллей или сбор информации о своих интернет-пользователях. Аналитика больших данных, использование искусственного интеллекта для подготовки эффективных постов и контр-месседжей, а автоматизированных ботов – для рассылки выгодной информации, создание массивов пропаганды, блокировка дезинформации и «троллей», использование новых медиа и всех доступных каналов распространения полезных новостей являются актуальными трендами международных отношений, и Россия должна быть готова к любым внешнеполитическим вызовам. Поэтому стоит отметить необходимость дальнейшего изучения дипломатии данных России, ее особенностей, технологий и роли во внешней политике.

Литература

- Быков 2020 – *Быков И.А.* Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. 2020. № 2. С. 23–33. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-23-33.
- Крутских, Филаткина 2020 – *Крутских А.В., Филаткина В.В.* Новые горизонты российской кибердипломатии // Международная жизнь. 2020. № 12. С. 10–21.
- Кузнецов, Цветкова 2021 – *Кузнецов Н.М., Цветкова Н.А.* Дипломатия данных Китая: сдерживание со стороны США // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы XI Междунар. научно-практич. конф. / Отв. ред. А.В. Друзяка. Благовещенск, 2021 С. 382–388.
- Сытник 2021 – *Сытник А.Н.* Цифровизация и «большие данные» в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты: Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://disser.spbu.ru/files/2021/disser_sytnik.pdf (дата обращения 07.02.2022).
- Цветкова, Кузнецов 2020 – *Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М.* Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 27–44. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-27-44.
- Collins, Bekenova 2019 – *Collins N., Bekenova K.* Digital diplomacy: success in your fingers // Place branding and public diplomacy. 2019. No. 1. P. 1–11. DOI: 10.1057/s41254-017-0087-1.
- Collins, DeWitt, LeFebvre 2019 – *Collins S.D., DeWitt J.R., LeFebvre R.K.* Hashtag diplomacy: twitter as a tool for engaging in public diplomacy and promoting US foreign policy // Place branding and public diplomacy. 2019. No. 2. P. 78–96. DOI: 10.1057/s41254-019-00119-5.

- Dye 2015 – *Dye T.* Data Diplomacy // American Association for the Advancement of Science: Science Diplomacy Conference. Wash., D.C.: AAAS. 2015. P. 19–20.
- Krasnyak 2020 – *Krasnyak O.* Foreign ministry's spokesperson in public diplomacy: a case of Russia // Russian Journal of Communication. 2020. No. 2. P. 155–170. DOI: 10.1080/19409419.2020.1780630.
- Nye 2008 – *Nye J.* Public Diplomacy and Soft Power // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. No. 616. P. 94–109.
- Rawnsley 2015 – *Rawnsley G.D.* To Know us is to Love us: Public Diplomacy and International Broadcasting in Contemporary Russia and China // Politics. 2015. No. 3/4. P. 273–286. DOI: 10.1111/1467-9256.12104.
- Simmons 2015 – *Simons G.* Aspects of Putin's appeal to international publics // Global Affairs. 2015. No. 2. P. 205–208. DOI: 10.1080/23340460.2015.1020727.

References

- Bykov, I. (2020), “Artificial Intelligence as a Source of Political Thinking”, *Journal of Political Research*, no. 2, pp. 23–33, DOI: 10.12737/2587-6295-2020-23-33.
- Collins, N. and Bekenova, K. (2019), “Digital diplomacy: success in your fingers”, *Place branding and public diplomacy*, no. 1, pp. 1–11, DOI: 10.1057/s41254-017-0087-1.
- Collins, S.D., DeWitt, J.R. and LeFebvre, R.K (2019), “Hashtag diplomacy: twitter as a tool for engaging in public diplomacy and promoting US foreign policy”, *Place branding and public diplomacy*, no. 2, pp. 78–96, DOI: 10.1057/s41254-019-00119-5.
- Dye, T. (2015), “Data Diplomacy”, *American Association for the Advancement of Science: Science Diplomacy Conference*, AAAS, Wash., D.C., pp. 19–20.
- Krasnyak, O. (2020), “Foreign ministry's spokesperson in public diplomacy: a case of Russia”, *Russian Journal of Communication*, no. 2, pp. 155–170, DOI: 10.1080/19409419.2020.1780630.
- Krutskikh, A. and Filatkina, V. (2020), “New Horizons of Russian Digital Diplomacy”, *The International Affairs*, no. 12, pp. 10–21.
- Kuznetsov, N. and Tsvetkova, N. (2021), “Data Diplomacy of China and US Policy of Deterrence”, in Druzyaka, A.V. (eds.), *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: History and Prospects of Cooperation], Blagoveshensk, pp. 382–388.
- Nye, J.S. (2008), “Public Diplomacy and Soft Power”, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, no. 1, pp. 94–109.
- Rawnsley, G.D. (2015), “To know us is to Love Us: Public Diplomacy and International Broadcasting in Contemporary Russia and China”, *Politics*, no. 3–4, p. 273–286, DOI: 10.1111/1467-9256.12104.
- Simons, G. (2015), “Aspects of Putin's appeal to international publics”, *Global Affairs*, no. 2, pp. 205–208, DOI: 10.1080/23340460.2015.1020727.
- Sytnik, A.N. (2021), Digitalization and Big data in international relations: Theoretical, methodological and applied aspects, Ph.D. Thesis, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.
- Tsvetkova, N. and Kuznetsov, N. (2020), “Phenomenon of Big data diplomacy in the world politics”, *RSUH/ RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 27–44, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-27-44.

Информация об авторах

Никита М. Кузнецов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; nmkuznetsov@list.ru

Наталья А. Цветкова, доктор исторических наук, Ph.D. in Social and Behavioral Studies, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; n.tsvetkova@spbu.ru

Information about the authors

Nikita M. Kuznetsov, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smolny Street, Saint Petersburg, Russia, 191060; nmkuznetsov@list.ru

Natal'ya A. Tsvetkova, Dr. of Sci. (History), Ph.D. in Social and Behavioral Studies, professor, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smolny Street, Saint Petersburg, Russia, 191060; n.tsvetkova@spbu.ru